

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Д. В. ЩЕРБИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается развитие взглядов на сущность и назначение главы государства как гаранта государственности в истории политической и правовой мысли европейских государств. Прослеживается эволюция представлений о связи власти главы государства с необходимостью обеспечивать мир, безопасность и справедливость в обществе, его роли в разрешении чрезвычайных для существования государства ситуаций. Выделяются основные этапы развития концепции «глава государства – гарант конституции», перечисляются отличительные черты данных этапов. Для каждого из них отмечаются особенности представлений о полномочиях главы государства в данной области.

Ключевые слова: глава государства; гарант конституции; мир; безопасность; справедливость; политико-правовое учение; чрезвычайное положение.

MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE HEAD OF STATE AS A GUARANTOR OF STATEHOOD IN THE HISTORY OF EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

D. V. SHCHERBIK^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author examines the development of views on the essence and appointment of the head of state as a guarantor of statehood in the history of political and legal thought of European states. The evolution of ideas about the connection between the power of the head of state and the need to ensure peace, security and justice in society, his role in resolving emergency situations for the existence of the state is traced. The author identifies the main stages in the development of the concept of the head of state is the guarantor of the constitution, lists the distinctive features of these stages. For each of them, the features of ideas about the powers of the head of state in this area are noted.

Keywords: head of state; guarantor of the constitution; peace; security; justice; political and legal doctrine; state of emergency.

Образец цитирования:

Щербик ДВ. Основные этапы развития представлений о главе государства как гаранте государственности в истории европейской политической и правовой мысли. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:9–18.

For citation:

Shcherbik DV. Main stages in the development of the concept of the head of state as a guarantor of statehood in the history of European political and legal thought. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:9–18. Russian.

Автор:

Дмитрий Васильевич Щербик – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Dmitrii V. Shcherbik, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
shcherbikdv@bsu.by

Введение

В современных конституциях, особенно принятых на постсоветском пространстве, часто содержится юридическая конструкция «глава государства – гарант конституции» (например, ст. 79 Конституции Республики Беларусь, ст. 80 Конституции Российской Федерации). Могут использоваться и близкие ей по значению формулировки типа «глава государства – гарант соблюдения конституции» (ст. 102 Конституции Украины) либо указываться, что «[глава государства] обеспечивает сохранение, незыблемость суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны»¹ (Молдова и др.), прав и свобод человека (Россия, Украина, Беларусь и др.), «правильного функционирования государственных институтов»² (Испания) и др.

Генезис и формирование концепции «глава государства – гарант конституции», ее эволюция

не получили должного внимания в юридической науке. Авторы в основном останавливаются на рассмотрении взглядов на роль и место главы государства в учениях тех или иных мыслителей в истории политической и правовой мысли либо обращаются к истории или конституционно-правовому анализу института главы государства в отдельных странах. Обращение к истории данной юридической конструкции имеет место лишь в трудах К. Шмитта, который уже стал классиком политико-правовой мысли, благодаря в том числе его учению о месте и роли главы государства в Веймарской республике [1].

Для последующего анализа сущности современной доктрины «глава государства – гарант конституции» в данной публикации выделим основные исторические этапы ее формирования.

Основная часть

К первому этапу становления восприятия главы государства как хранителя мира и порядка относятся периоды Древнего мира и Средних веков. В это время повсеместно разделяемыми являлись представления о правителе как религиозном и военном лидере, от которого зависело само существование страны, ее успехи в обороне от враждебных соседей, урегулировании внутренних неурядиц, благожелательное отношение богов к народу и государству. В представлении людей того времени боги создавали царя для охраны мира. Уже в древнеиндийском сборнике «Законы Ману» отмечается, что, «когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны этого (мира)»³.

Подобные идеи звучали и в начале V в. н. э. Так, епископ Синезий Киренский в своем известном обращении к императору отмечает: «...тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот – пастух для овец, государь для людей...»⁴. Монарх в представлениях автора охраняет народ от бед и опасностей, обеспечивает единство общества, его безопасность.

Подобные мысли присутствуют и в учении Фомы Аквинского. Основной функцией власти он называ-

ет обеспечение единства общества, что в условиях средневековых междоусобиц было крайне актуальным. Сохранение единства для философа – основа для выживания: «Намерение любого правящего должно быть направлено на то, чтобы он заботился о благе того, что принял под управление... Благо же и спасение соединенной совокупности в том, чтобы сохранялось ее единство, называемое миром; если же мир пропадает, то гибнет польза от жизни в общении, и сама совокупность в состоянии раздора становится обременительной для себя. Итак, вот к чему должен более всего стремиться правитель совокупности – к тому, чтобы сохранить единство мира»⁵.

В связи с этим знаменитые слова Иисуса Христа о том, что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (*Матф. 20:25*), для многих средневековых авторов стали основным объяснением существования монархии. Так, Данте Алигьери в трактате «Монархия» отмечал: «А если мы посмотрим на город, цель которого жить хорошо и в достатке, то должно быть одно управление. В противном случае не только не достигается цель гражданской жизни, но и сам город перестает быть тем, чем был. Если мы обратимся к тому или иному королевству, цель которого та же, что и города, при большей надежности его спокойствия, то должен быть один король, который царствует и правит, ина-

¹Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/constitutia_ro_22.05.17_ru.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

²Испанская конституция от 29 декабря 1978 г. // Конституции стран мира. Хрестоматия : в 7 ч. Ч. 2 / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2014. С. 470.

³Законы Ману // Памятники лит. народов Востока. М. : Изд-во вост. лит., 1960. С. 127.

⁴Синезий Киренский. О царстве // Полное собр. соч. Т. 1. СПб. : Свое изд-во, 2012. С. 56.

⁵Фома Аквинский. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей // Социол. обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 102.

че жители этого королевства не только не достигают цели, но и само оно катится к гибели» [2, с. 30–31].

Функцию защиты мира и безопасности многие средневековые авторы выводили из своих представлений об истоках происхождения государства. Автор сборника «Кутюмы Бовези» связывает возникновение государства и власти правителя со злобной сущностью человека. Он пишет: «...вначале все были свободны и равны, ибо каждый знает, что все мы произошли от одного отца и одной матери. Но когда народы стали прибывать, возникли войны и ненависть, причиной их стали гордость и зависть – они тогда правили [людьми] и привели к тому, что отсутствовало [чувство] долга. Те общины в народе, которые имели желание жить в мире, увидели, что они не смогут этого добиться, если каждый желает быть таким же великим господином, как другой. Тогда избрали короля и сделали его своим сеньором»⁶.

Марсилий Падуанский, отмечая обусловленную природой необходимость сотрудничества человечества, также упоминает склонность людей к конфликтам и насилию: «...среди людей, объединенных таким образом, возникают разногласия и ссоры, которые при неурегулированности принципами справедливости являются причинами расколов и войн, что в конце концов ведет государство к гибели. Потому для совместной жизни людей надо было установить нормы права, а также назначить их блюстителя или исполнителя правосудия. Для предотвращения преступлений государство вынуждено прибегать к услугам блюстителя, который обязан пресекать попытки насилия в обществе, наказывать правонарушителей и виновников беспорядков» [3, с. 81].

Причиной широкого распространения представлений о правителе как хранителе мира и единства государства было наличие междоусобиц и внутренних конфликтов, присущих тем временам. Даже внешняя угроза, как указывает Марсилий Падуанский, менее значима в данном случае, и внешняя оборона является лишь факультативной функцией власти [3, с. 155]. Такая обязанность, как защита мира, предполагала обширный круг полномочий монархической власти, наличие у нее компетенций в различных сферах общественной жизни. Спор шел лишь об их объеме.

Наличие внутренних нарушителей мира и единства предполагало прежде всего наличие судебных функций и компетенций по их наказанию. Так, помимо приведенного выше аргумента, Марсилий Падуанский отмечает, что «соблазны – это взаимные несправедливые претензии людей; если их

отношения не будут регулироваться по справедливости правителем, в обязанность которого в соответствии с законом входит пресечение конфликтов, то произойдут войны и разделение человеческого сообщества и в конце концов распад государства и одновременно утрата нормальной жизни его жителей» [3, с. 150]. Справедливость становится важнейшим элементом выживания государства. Свою цель в XII в. Фридрих II формулировал следующим образом: «Посему настойчиво заботясь в целях управления полученным нам государством о том, чтобы в наши счастливые времена крепко держалось над подчиненными нам народами империи кормило мира и справедливости»⁷.

Врученная Богом в руки короля справедливость предполагала, что он должен был вершить ее «за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам» [4, с. 133], она включала карательный аспект («имеет власть творить справедливость и наказание» [4, с. 133]) и обязанность правителя «дать каждому его право» [4, с. 137], т. е. обеспечить возможность реализовать совокупность известных, конкретных прав и обязанностей индивида согласно тому, что каждый «заслуживает... что ему подобает... на его месте» [4, с. 138].

Обладает ли защитник мира законодательными полномочиями, или он должен хранить законы, данные государству, с помощью иных субъектов? В этом вопросе также имела место эволюция взглядов. Первоначально при осуществлении законотворческих функций монархи всегда отмечали преемственность своих законов с законодательством предшественников, неединоличность собственного правотворчества, а также его согласование с представителями церкви, знати, сословий. Например, в своде права «Саллическая правда» отмечается следующее: «Саллический закон был продиктован знатными этого народа»⁸. В кодексе «Аламаннская правда» отмечается участие в принятии данного документа короля, 33 епископов, 34 герцогов, 65 графов и остального народа⁹.

Однако постепенно роль монарха становится определяющей и в данной области. Так, Ф. Бомануар в упоминавшемся выше сборнике «Кутюмы Бовези» отмечал: «...король является сувереном над всеми и располагает правом высшей охраны всего своего королевства. И по этой причине он может делать для общего блага (*le commun pourflt*) любые установления, какие захочет; и то, что он установил, – должно соблюдаться...»¹⁰. В кодифицированном своде правовых норм короля Альфонсо «Семь партий»

⁶Бомануар Ф. Кутюмы Бовези // Антология мир. прав. мысли : в 5 т. Т. II. Европа: V–XVII вв. / Нац. обществ.-науч. фонд. М. : Мысль, 1999. С. 459.

⁷Имперский земский мир Фридриха II 1235 г. // Там же. С. 433.

⁸Саллическая правда // Там же. С. 32.

⁹Аламаннская правда // Там же. С. 41.

¹⁰Бомануар Ф. Кутюмы Бовези... С. 459.

(XIII в.) также провозглашается, что монарх «может создавать новый закон и фуэро и менять старый», прояснять «затемненный закон», «пресечь исполняющийся обычай, когда поймет, что он был вреден, и сделать новый, который будет добрым» (цит. по [4, с. 130]).

Вопрос о связанности монарха существующими законами был очень актуален для того времени. В период главенства мнения об объективности закона, а равно в период совместного правотворчества монарха и представителей народа, действовали принципы обязательности соблюдения законов монархом под угрозой отказа в повиновении или сопротивления подданных: «Каждый может далее оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь в обороне от них всяким способом»¹¹.

В период сословной монархии с ее протодогматическими представлениями о взаимосвязи народа и правителя также придерживались подобных взглядов. И Данте Алигьери, и Марсилиус Падуанский изображают в своих произведениях законопослушного монарха. Так, Данте Алигьери указывает, что «не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь также, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними...» [2, с. 43–44]. Марсилиус Падуанский, в свою очередь, передавая законодательную власть народу, рассматривал монарха как правителя и судью: «...законодателю следует определять и устанавливать части (службы) государства и их обязанности, но право на судопроизводство и руководство всеми ими согласно закону принадлежит правителю» [3, с. 154].

Дальнейшее распространение данное мнение получило в период реформационных войн, когда, опираясь на кальвинистскую доктрину, высшие сословия старались отстоять свои права в борьбе с монархической властью. В связи с этим один из представителей гугенотской партии во Франции Ф. Отман утверждал: «...мы убеждены... в том, что безграничная и необузданная власть не была дозволена королям Франкогаллии их подданными; а потому нельзя утверждать применительно к ним, что государи свободны от всех законов. Скорее, напротив, они как бы обуздываются определенными законами и соглашениями...» [5, с. 178]. В произведении «Франкогаллия» он перечислял восемь законов

страны, нарушение которых королем не допускалось [5, с. 178–186].

Таким образом, для первого этапа формирования концепции «глава государства – гарант конституции» характерно широкое распространение представлений о правителе как хранителе мира и единства государства, взглядов о его обширных полномочиях (прежде всего в сфере правосудия) как основе сохранения мира и обеспечения единства, а следовательно, и выживаемости страны в условиях феодальных и сословных междоусобиц.

Второй этап становления восприятия главы государства как хранителя мира и порядка наиболее ярко проявился во время расцвета абсолютизма, хотя его идеи начали появляться еще в период Средневековья вместе с усилением королевской власти. Для него характерно представление о полной принадлежности власти монарху. А так как абсолютизм рождался в борьбе со средневековыми беспорядками, то и обоснование подобной роли главы государства во многом опиралось на те же идеи – идеи борьбы за единство и мир. Так, в речи от 30 ноября 1601 г. перед Парламентом Англии королева Елизавета I утверждала: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия...»¹² [6, с. 57]. Обосновывая свои претензии на полноту власти, ее преемник, Яков I, также провозглашал: «Бог имеет власть создавать или разрушать, совершать или не совершать по своей воле, даровать жизнь или насыпать смерть, судить всех и никому не быть ни подотчетным, ни подсудным: возвышать низкое и делать высокое низким по своей воле, и Богу обязаны как души, так и тела. И подобной властью обладают короли: они создают и уничтожают своих подданных (*they make and unmake their subjects*): они имеют власть возвышать и свергать; над жизнью и смертью: судить всех своих подданных и во всех случаях, и при этом не подотчетны никому, разве только Богу. Они обладают властью возвышать низкое и низводить высокое и могут делать со своими подданными то, что делают люди с пешками и фигурами при игре в шахматы» [6, с. 56]. Но даже при этом он отмечал созидательный характер королевской власти: «...вся эта власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет как власть разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы» [6, с. 57].

¹¹Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / АН СССР, Ин-т гос-ва и права; отв. ред. В. М. Корецкий. М.: Наука, 1985. С. 111.

¹²Цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Более современно сформулировал представление о монархе как гаранте мира и безопасности, выводя его из концепции общественного договора, Т. Гоббс: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [7, с. 133]. Власть главы государства (монарха) в наибольшей степени, по мнению мыслителя, обеспечивает базовые ценности общества – водворение мира и обеспечение безопасности [7, с. 145–149]. Он доказывал, что только сосредоточение всей полноты власти может гарантировать надлежащее выполнение указанной функции, ради которой и создавалось государство [7, с. 120–128]. Монархическая форма правления должна быть неизменной, власть неделимой, неподсудной и неотчуждаемой, она должна обладать полномочиями в сфере законотворчества, правосудия, объявления войны и заключения мира, назначения гражданских и военных должностных лиц, вознаграждения за службу [7, с. 134–143].

Одновременно формировалась идея о наличии у монарха чрезвычайных, экстраординарных полномочий, которые применимы к ситуациям мятежей, восстаний. Так, К. Шмитт приводит мнение императорского юриста Безольда, обосновывающего идею о том, что законы не связывают императора в исключительных ситуациях [8, с. 36]. А. Клапмар в учении о государственных *arcana* прямо указывает, что в случае войны и мятежа правитель, кроме властных прав, которые в каждом государстве являются одинаковыми и включают в том числе право на издание законов, обладает правом господства, т. е. таким публичным исключительным правом, которое состоит в возможности ради сохранения государства, поддержания общественного спокойствия и безопасности отступать от обычного права. А. Клапмар называет это «чем-то вроде легитимной тирании» (цит. по [8, с. 34–35]).

Начало третьего этапа развития концепции о главе государства как гаранте конституции можно условно связать с эпохой Английской революции. С этого момента роль главы государства как хранителя мира и безопасности начинает подвергаться сомнению. Складывается ситуация двоевластия, наличия двух легитимных субъектов, один из которых (монарх) продолжает получать свою легитимность от бога, а другой (парламент) черпает ее из воли народа. Так, например, в Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. Сейм наделяется властью от народа, а монарх – от бога и народа.

Каждый из этих органов претендовал на верховенство, в том числе на ведущую роль в сохранении мира и безопасности. А наличие, по сути, договорных отношений между ними обуславливает то, что

каждый из этих органов по праву может считаться гарантом установившегося строя. В рамках сформулированной концепции разделения властей они контролируют и сдерживают друг друга, претендуют на формирование действенного механизма защиты своего положения и прав.

Однако с учетом того что монарх в глазах общества становится лицом подозрительным, склонным к тирании, то в парламентских кругах появляется стремление к возрождению либо древнеримской модели защиты государственного строя (передача полномочий гаранта сенату (например, по Конституции Французской Республики 1799 г.)), либо, как вариант, древнеспартанской (передача полномочий гаранта особой корпорации – эфорату (например, Совету цензоров по Конституции Пенсильвании 1776 г.)).

Следующий этап развития концепции о главе государства как гаранте конституции характеризуется реабилитацией роли правителя как хранителя государства и гаранта конституционного строя. Он связан с учением французского политика и конституционалиста Б. Констана о главе государства как нейтральной силе. Однако, как отмечает Н. П. Таньшина, уже его современник, относящийся к другому крылу французских либералов, Ф. Гизо, писал, что королевская власть «есть олицетворение державности, верховной власти по праву, то есть той существенно разумной, просвещенной, справедливой, беспристрастной воли, которая выше всякой отдельной личной воли, и поэтому имеет право управлять людьми» (цит. по [9, с. 85]). Однако если Ф. Гизо исходил из традиционного понимания концепции о монархе-гаранте, наделяя его широкими полномочиями, то Б. Констан заметил, что все ветви власти, предусмотренные идеей разделения властей, могут сталкиваться в стремлении реализовать каждая свои интересы. Значит, нужна власть, которая не обладала бы всеми полномочиями этих ветвей, но могла бы воздействовать на них для защиты и восстановления порядка, была бы призвана помочь властям прийти к взаимопониманию, взаимной поддержке и согласованию своих действий. «Королевская власть располагается среди всех этих... властей, но она выше их, обладает силой одновременно высшей и опосредующей, будучи при этом заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержке» [10, с. 39]. Передача полномочий гаранта одной из властей, по мнению Б. Констана, приведет к тирании или злоупотреблениям. Поэтому королевская власть, уникальная по своей природе, стремится к поддержанию стабильности и порядка. «Король в свободной стране есть особое существо, стоящее над разнообразием мнений, поскольку у него нет иного интереса, как поддержание порядка и свободы» [10, с. 41]. Не будучи ангажированным в активную политическую деятельность, он наблюдает

за столкновением мнений, интересов: «Король, так сказать, реет над человеческими волнениями, и шедевром политической организации является подобное создание в самом лоне разногласий, без которых не существует свободы, нерушимой сферы безопасности, величия, беспристрастности, позволяющей этим разногласиям беспрепятственно развиваться, покуда они не переходят известных пределов, и, как только возникает какая-либо опасность, кладущей им конец при помощи законных, конституционных и свободных от какого бы то ни было произвола средств» [10, с. 41]. В качестве полномочий, обеспечивающих арбитражную роль гаранта конституции, Б. Констан называл лишь сдерживающие полномочия монарха. Так, он должен был обладать правом роспуска палат парламента [10, с. 51–56], поскольку данный орган мог злоупотреблять своими полномочиями и нарушать порядок работы государственной машины. Кроме того, у монарха было право отстранять министров, назначать новых пэров в верхнюю палату, использовать право наложения вето на законы, право помилования, право раздавать пожалования, вознаграждения, оказывать покровительство и др. [10, с. 39–40, 48, 49].

Влияние Б. Констан прослеживается в Испании, где, как отмечает Т. Т. Алексеева, данные взгляды разделял В. Сантамария де Паредес, издавший важнейший труд по конституционному праву Испании в последней четверти XIX в. [11, с. 179]. Он, как и Б. Констан, наряду с законодательной, исполнительной и судебной властью выделял власть «гармонизирующую» и наделял ею «высшую магистратуру», которая имела общее родовое название «глава государства» для «королей в монархиях и президентов в республиках» [11, с. 180]. Задачей такой власти, по мнению В. Сантамарии де Пардеса, являлось обеспечение «независимости, баланса и гармонии трех властей» [11, с. 180].

На практике идеи Б. Констан были восприняты и реализованы, например, в Бразилии. Король страны Педру I, как отмечают историки, читал труд французского конституционалиста. По свидетельству Т. Т. Алексеевой, в монархической Конституции Бразильской империи 1824 г. закреплялись (почти по Б. Констану) четыре ветви власти: законодательная, «сдерживающая» (*moderador*), исполнительная и судебная [12, с. 186]. Сдерживающая власть объявлялась «ключом ко всей политической организации», она «вверялась исключительно императору как верховному главе нации (*Chefe Supremo da Nação*), ее первому представителю, для того чтобы он «постоянно следил за поддержанием независимости, балансом и гармонией политических властей» [12, с. 186].

Пятый этап развития идей о главе государства как гаранте конституции относится к межвоенно-

му периоду XX в. Его истоки, однако, можно обнаружить уже в протекторате О. Кромвеля, учениях о роли революционного главы государства в Латинской Америке и др. В условиях, когда политический режим получил полностью демократическую легитимацию и все его органы власти черпали свои полномочия прямо или косвенно из воли народа, парламент терял исключительную претензию на представление интересов последнего. В условиях революционных и военных кризисов, межвоенных политических и экономических катастроф угрозой для стабильности общества и государства становится в том числе перманентный кризис парламентаризма, его неспособность сформировать устойчивое большинство и связанные с этим правительственные кризисы и конституционная инфляция.

Зачатки решения данных проблем обнаруживаются уже в концепции лорда-протектора. Даже формально по нормам республиканской конституции Англии «Орудие управления» (1653) глава государства превращался в верховного правителя. Он совместно с парламентом обладал законодательной властью, при содействии совета осуществлял управление государством. От его имени издавались указы и вызовы в суд, полномочия, патенты и другие распоряжения, он назначал всех должностных лиц, обладал правом помилования. «Он должен управлять... во всех делах при содействии совета и на основании настоящего акта и законов. Ему вручается руководство армией с согласия парламента, а в его отсутствие с ведома и согласия совета. Он же с согласия последнего будет руководить вопросами внешней политики»¹⁵. Но даже данная конституция оказалась недостаточной для О. Кромвеля, который во имя государственной необходимости по своей воле распускал избранные парламента и даже на некоторое время ввел военную диктатуру в стране.

Впоследствии данная идея реализуется в политической деятельности С. Боливара, который в ходе революционной деятельности в Латинской Америке неоднократно приобретал диктаторские полномочия. Предполагалось, что ради спасения государства «верховный правитель» наделяется временными экстраординарными полномочиями [12, с. 184–185].

Данная ситуация осмысливалась еще Дж. Локком: «В некоторых государствах, где законодательная власть не всегда в действии, а исполнительная власть вверена одному лицу, которое также принимает участие в законодательстве, это одно лицо при таком устройстве в весьма правдоподобном смысле может быть также названо верховным, но не в том смысле, что оно обладает всей верховной властью, которая состоит в издании законов, но в том, что оно обладает высшей исполнительной властью, от которой все низшие должностные лица получают

¹⁵Орудие управления, 16 декабря 1653 г. // Законодательство англ. революции 1640–1660 гг. / сост. Н. П. Дмитриевский; отв. ред. Е. А. Косминский. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 175–176.

все свои различные подчиненные полномочия или, по крайней мере, большую их часть. Законодательная власть также не стоит выше него, потому что никакой закон не может быть издан без его согласия, а так как оно, по всей вероятности, никогда не согласится подчиниться другой части законодательной власти, – то в этом смысле указанное выше лицо довольно правильно называется верховным...» [13, с. 350].

Развитие данных идей имело место в творчестве К. Шмитта, который, начав с апелляции к концепту нейтральной власти Б. Констана, творчески переработал ее применительно к условиям кризиса в Веймарской республике. В стабильный период существования государства, по К. Шмитту, президент выступает как нейтральная арбитражная власть. Но во время кризиса нейтральность президента становится активной, навязывающей разрешение существующих конфликтов. На основании соответствующей статьи конституции президент имеет право ввести чрезвычайное положение. К. Шмитт доказывает, что ограничение действующих норм Основного Закона в данном случае будет носить широкий характер, а не только касаться того перечня статей, упомянутых в конституционной норме о чрезвычайном положении. Президент-диктатор сохранит лишь организационный минимум конституционных положений [8, с. 229]. Однако если в таких произведениях, как «Диктатура» (1921) [8], «Гарант конституции» (1931) [1], К. Шмитт следовал своей же концепции комиссарской диктатуры, т. е. наделения главы государства экстраординарными полномочиями лишь в условиях чрезвычайной ситуации, в рамках поручения конституции и для ее спасения, то в произведении «Легальность и легитимность» (1932) [14] он начинает критиковать мнимую нейтральность конституционного порядка парламентского либерального государства, отмечает вредность для развития сил немецкого народа следования установленной конституцией легальности и начинает склоняться к плебисцитарному авторитарному решению кризисных вопросов общества. Выход он видит в авторитарной власти, которая бы опиралась на плебисцитарную легитимность [14, с. 302]. Окончательный дрейф позиции К. Шмитта к суверенной диктатуре произошел с приходом к власти А. Гитлера, и уже в докладе «Фюрер защищает право» (1934) оппортунистически изменивший свои взгляды конституционалист отстаивает позицию, в соответствии с которой фюрер ради спасения нации и предотвращения катастрофы, подобной кризису Германской империи 1918 г., приведшему к ее поражению в войне и революции,

может отступить от легитимности и сам определять содержание и объем своих действий [15, с. 268].

Подобное восприятие роли и места главы государства в обеспечении выживаемости страны становится визитной карточкой большинства государств Европы с авторитарными или даже тоталитарными режимами. Так, например, А. Салазар, установивший в Португалии консервативный авторитарный режим и боровшийся как с коммунистами, так и с либералами и фашистами, во многом обращался к традиции Т. Гоббса, рассматривая государство как слугу и предводителя народа: «Государство настолько является слугой народа, что оно должно уважать волю его минувших столетий, и настолько предводителем, что должно направлять, иногда насильно, нынешнее поколение, которое не всегда ясно способно ориентироваться в историческом направлении развития своего народа»¹⁴ (перевод наш. – Д. Ш.). В духе органицизма он верил, что только стабильная компетентная власть, сосредоточенная у персонифицированного и ответственного руководства, способна обеспечить выход из кризиса [16, с. 175]. Для устранения катастрофического кризиса, обусловленного либеральной демократией и парламентаризмом, А. Салазар предлагает установить режим национальной диктатуры, которая должна стать инструментом для преодоления кризиса, исправления и воспитания общества на пути к укоренению нового способа мышления, неразрывно связанного с возрождением политических обычаев нации, общественного и правового порядка, ради публичного спокойствия и благосостояния народа [17, с. 64; 18].

Отвергая разделение властей, А. Салазар передает верховную власть президенту. Стабильность высшей власти в стране должна обеспечиваться с помощью длительного срока полномочий избираемого народом президента и благодаря его независимости от иных органов власти [19, с. 33]. С момента избрания глава государства независим. В осуществлении своих функций он подчиняется лишь положениям конституции, но отнюдь не правительству, которое может отправить в отставку, ни государственному совету, ни палатам парламента, голос которых для него не является обязательным ни в вопросе выполнения им своих функций, ни в вопросе сохранения им власти, ни судам, которые не могут его осудить, ни даже народу, который его избрал, но не может отстранить от власти [16, с. 182].

Президент самостоятельно, без согласования с парламентом назначает и отправляет в отставку председателя совета министров и самих министров. Благодаря этому, хоть правительство

¹⁴Bartyzel J. «Nowe Państwo» António Salazara na tle nacjonalizmu chrześcijańskiego w XX-wiecznej Portugalii [Electronic resource]. URL: <http://www.legitymizm.org/salazar-nacjonalizm> (date of access: 22.09.2021).

и является суверенным и независимым органом, оно в том числе, например, контрастирует акты президента, самостоятельно руководит государственной администрацией. Оно, неся ответственность перед президентом, осуществляет политику в полном согласии с ним и в том направлении, которое определяет глава государства. Независимость всей исполнительной власти обеспечивается полной независимостью правительства от законодательных органов, за исключением обязанности исполнять законы [16, s. 182].

Следует учесть, что, согласно ст. 97 Конституции Португальской Республики, законодательная инициатива принадлежала правительству, а сами депутаты могли инициировать издание лишь тех законов, которые не влекли увеличения государственных расходов или сокращения доходов, установленных изданными ранее законами. Законы представляли собой лишь общие юридические основы (ст. 92), а правительство, помимо регламентных актов, имело право издавать декреты-законы, в том числе по собственной инициативе в случае необходимости (ч. 13 ст. 91; ч. 2 ст. 109), которые подписывал президент (ч. 9 ст. 81)¹⁵. Становится очевидным, что именно исполнительная власть в глазах А. Салазара становилась основным гарантом нормального функционирования государства в условиях чрезвычайного кризисного состояния как самой Португалии, так и международной обстановки того времени в целом. Он отмечал, что только президент и подчиненное ему правительство способны обеспечить нормальное функционирование государственного механизма, спокойствие и порядок в стране, уважение и принуждение к уважению прав, управление в соответствии с нормами закона, да и в целом нести ответственность за честь всего народа и его существование [20, s. 74].

Представления о необходимости шмиттианской суверенной диктатуры для преодоления повсеместного кризиса в межвоенной Европе, вера в главу государства как в единственный авторитет, способный спасти народ от гражданских и межнациональных конфликтов, экономического кризиса и внешней угрозы, привели к гиперболизации роли глав государств, предоставлению им диктаторских полномочий, которые не разрешили кризис, а скорее усугубили его во многих странах, а также привели народы ко Второй мировой войне.

Заключение

Таким образом, развитие представлений о главе государства как гаранте конституции прошло долгую историческую эволюцию. Концептуально

сформулированный подход даже в странах, которые избежали мирового конфликта (Испания, Португалия, государства Латинской Америки), во второй половине XX в. был дискредитирован, потерпел поражение.

Современный этап развития взглядов на роль главы государства в области обеспечения сохранности конституционного строя характеризуется восприятием базовой идеи активно оппонировавшего К. Шмитту Г. Кельзена, который рассматривал все органы государства как независимые гаранты конституции [21, с. 401]. Однако если Г. Кельзен при этом выделял особую роль конституционного суда [21], то в настоящее время существует многообразие взглядов на соотношение и роль высших органов власти в обеспечении действенности конституции. Отметим, что в кризисных для государства и общества ситуациях идея о главе государства как гаранте конституции неизменно переживает реинкарнацию, но, в отличие от межвоенного времени, сочетается с тесным взаимодействием с иными органами в данной области.

Данный процесс наблюдался уже при учреждении Пятой республики во Франции. Так, еще в 1946 г. генерал Ш. де Голль в речи в Байе, которую анализирует М. А. Краснов, говорил о возрождении констановской модели президента-арбитра: «...все ветви власти – и исполнительная, и законодательная, и судебная – были четко разграничены и полностью уравновешены, и... над возможной политической несогласованностью верховенствовал национальный арбитр, способный обеспечить дух преемственности в условиях существования разношерстных по партийному составу правительств»¹⁶. Впоследствии свои идеалы Ш. де Голль реализовал в тексте Конституции Французской Республики 1958 г., ставшей образцом для подражания как на постсоветском пространстве, так и во многих странах Латинской Америки, Азии, Африки.

Идеи раннего К. Шмитта об активной роли главы государства в области гарантирования конституционного строя, в том числе о его полномочиях в сфере введения чрезвычайного положения, также реализуются во многих государствах. Современная дискуссия о главе государства как гаранте конституции идет лишь в контексте вопроса об объеме его полномочий.

можно выделить шесть основных этапов, каждый из которых характеризуется своими взглядами на природу и происхождение власти главы государства,

¹⁵ Политическая конституция Португальской республики // Конституции буржуаз. гос-в Европы / сост. Ф. А. Кублицкий ; под ред. Г. С. Гурвича. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. С. 741–797.

¹⁶ Краснов М. А. «Нейтральная власть» Б. Констана и «президентский арбитраж» Ш. Де Голля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29369468> (дата обращения: 24.05.2022).

его роли в сохранении мира и порядка, об объеме компетенций, предоставленных для выполнения данных функций. Несмотря на различия, на всех этапах развития политической мысли отмечается

важность роли главы государства в обеспечении незыблемости государственного строя, необходимость предоставления ему полномочий по разрешению чрезвычайных ситуаций.

Библиографические ссылки

1. Шмитт К. Гарант конституции. В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 27–220.
2. Данте Алигьери. *Монархия*. Зубова ВП, переводчик. Москва: Канон-пресс-Ц; 1999. 192 с.
3. Марсили Падуанский. *Защитник мира. Defensor pacis*. Есенов БУ, переводчик. Москва: Дашков и К^о; 2014. 656 с.
4. Варьяш ИИ. Власть короля и королевское право в «Семи партидах» Альфонсо Мудрого. В: Марей АВ, редактор. *Исторический вестник. Том двенадцатый. Альфонсо X: политика и право*. Москва: Руниверс; 2015. с. 122–149.
5. Отман Ф. *Франкогаллия*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 280 с.
6. Томсинов ВА. *Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года*. Москва: Зерцало-М; 2010. 264 с.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В: Гоббс Т. *Сочинения. Том 2*. Москва: Мысль; 1991. с. 3–545.
8. Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. Коринца ЮЮ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 326 с.
9. Таньшина НП. *Франсуа Гизо: политическая биография*. Москва: МПГУ; 2015. 364 с.
10. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления. В: Констан Б, Гизо Ф. *Классический французский либерализм*. Москва: РОССПЭН; 2000. с. 23–262.
11. Алексеева ТА. Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоведении. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2017;21(2):173–199.
12. Алексеева ТА. Идеи и юридические источники формирования понятия главы государства в Испании. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017;5:174–201.
13. Локк Дж. Два трактата о правлении. В: Локк Дж. *Сочинения. Том 3*. Москва: Мысль; 1988. с. 135–405.
14. Шмитт К. Легальность и легитимность. В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 221–305.
15. Шмитт К. Фюрер защищает право. В: Шмитт К. *Государство и политическая форма*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2010. с. 263–270.
16. Salazar A. Ukonstytuowanie Izby Ustawodawczych jako etap rozwoju politycznego Portugalii. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 174–187.
17. Salazar A. Dyktatura administracyjna i rewolucja polityczna. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 52–64.
18. Щербик ДВ. Кризис парламентаризма в межвоенный период: авторитарное решение А. Салазара. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2015;14:132–139.
19. Salazar A. Przedmowa autora. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 11–33.
20. Salazar A. Podstawowe zasady rewolucji politycznej. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 65–81.
21. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 359–410.

References

1. Schmitt K. [Guarantor of the constitution]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 27–220. Russian.
2. Dante Alighieri. *Monarkhiya* [Monarchy]. Zubova VP, translator. Moscow: Kanon-press-Ts; 1999. 192 p. Russian.
3. Marsile de Padoue. *Le défenseur de la paix*. Paris: Librairie philosophique J. VRIN; 1968. 582 p. Russian edition: Marsile de Padoue. *Zashchitnik mira. Defensor pacis*. Esenov BU, translator. Moscow: Dashkov i K^o; 2014. 656 p.
4. Var'yash II. [The power of the king and royal right in the Seven Partides by Alfonso the Wise]. In: Marei AV, editor. *Istoričeskii vestnik. Tom dvenadtsatyi. Al'fonso X: politika i pravo* [Historical bulletin. Volume 12. Alfonso 10th: politics and law]. Moscow: Runivers; 2015. p. 122–149. Russian.
5. Othman F. *Frankogalliya* [Francogaul]. Moscow: Centre for Humanitarian Initiatives; 2015. 280 p. Russian.
6. Tomsinov VA. *Yuridicheskie aspekty angliiskoi revolyutsii 1640–1660 godov. Period konstitutsionnoi bor'by: noyabr' 1640 – avgust 1642 goda* [Legal aspects of the English revolution of 1640–1660. The period of the constitutional struggle: November 1640 – August 1642]. Moscow: Zertsalo-M; 2010. 264 p. Russian.
7. Hobbes T. [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state]. In: Hobbes T. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1991. p. 3–545. Russian.
8. Schmitt C. *Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf*. Leipzig: Duncker; 1921. 211 S. Russian edition: Schmitt C. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by*. Korintsa YuYu, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2005. 326 p.

9. Tan'shina NP. *Fransua Gizo: politicheskaya biografiya* [François Guizot: a political biography]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2015. 364 p. Russian.
10. Constant B. [Principles of politics suitable for any government]. In: Constant B, Guizot F. *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm* [Classical French liberalism]. Moscow: ROSSPEN; 2000. p. 23–262. Russian.
11. Alexeeva TA. Institute of the head of state in Spain: formation and evolution of the concept in the national jurisprudence. *RUDN Journal of Law*. 2017;21(2):173–199. Russian.
12. Alexeeva TA. [Ideological and legal sources of the formation of the concept of the head of state in Spain]. *Izvestiya vysshikh ychebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2017;5:174–201. Russian.
13. Locke J. [Two treatises on government]. In: Locke J. *Works. Volume 3*. Moscow: Mysl'; 1988. p. 135–405. Russian.
14. Schmitt C. [Legality and legitimacy]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 221–305. Russian.
15. Schmitt C. [Fuhrer defends the right]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics; 2010. p. 263–270. Russian.
16. Salazar A. Ukonstytuowanie Izb Ustawodawczych jako etap rozwoju politycznego Portugalii. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 174–187.
17. Salazar A. Dyktatura administracyjna i rewolucja polityczna. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 52–64.
18. Shcherbik DV. The crisis of parliamentarism in the interwar period: the authoritarian decision of A. Salazar. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2015;14:132–139. Russian.
19. Salazar A. Przedmowa autora. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 11–33.
20. Salazar A. Podstawowe zasady rewolucji politycznej. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 65–81.
21. Kelzen G. [Who should be the guarantor of the constitution?]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo. Pravo i politika* [State. Law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 359–410. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2022.
Received by editorial board 05.07.2022.